

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.40>

Шаяхметова Эльвира Халитовна

ВАРИАТИВНОСТЬ АОРИСТА В ДРЕВНЕРУССКИХ СБОРНИКАХ XII-XIII ВВ.

Целью статьи является анализ функционирования вариативных форм аориста, имеющих диагностирующий характер при оценке книжной традиции, с которой связаны рукописные источники (р?хъ - рекохъ и под., начать - нача и под.). Дистрибуция аористных форм исследуется в наиболее сложных по композиции текстах - древнерусских сборниках разного состава. Автор приходит к выводу, что распределение форм зависит от нескольких факторов: от того, к какой традиции относится протограф произведения, от речевых предпочтений переписчиков и, в случае оригинальных древнерусских текстов, от интенций автора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 1. С. 197-200. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.161.1-112

Дата поступления рукописи: 09.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.40>

Целью статьи является анализ функционирования вариативных форм аориста, имеющих диагностирующий характер при оценке книжной традиции, с которой связаны рукописные источники (ръхъ – рекохъ и под., начать – нача и под.). Дистрибуция аористных форм исследуется в наиболее сложных по композиции текстах – древнерусских сборниках разного состава. Автор приходит к выводу, что распределение форм зависит от нескольких факторов: от того, к какой традиции относится протограф произведения, от речевых предпочтений переписчиков и, в случае оригинальных древнерусских текстов, от интенций автора.

Ключевые слова и фразы: аорист; вариативность; диагностирующие формы; древнерусские сборники; книжная норма.

Шаяхметова Эльвира Халитовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

sha.elvira@mail.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ АОРИСТА В ДРЕВНЕРУССКИХ СБОРНИКАХ XII-XIII ВВ.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 18-012-00428).

Ряд претеритальных форм имеет диагностирующее значение для определения книжной традиции, с которой связан тот или иной рукописный источник, и характера ее преломления в тексте. Кирилло-мефодиевским памятникам и наследующим им западноболгарским, охридским источникам были свойственны нетематические формы аориста глагола *рѣци* типа *ръхъ* и приращение *-тъ* в форме 2-3 лица единственного числа у аористов от глаголов *иати*, *(на)уати*, *(за-, рас)пати*, *клати*, *жити*, *(су)мрѣти*, *(пр)стрѣти*, *(по)жрѣти*, *пнати*, *внати*, *(вз)пѣти* [1, с. 266; 9, с. 316; 14, р. 164-168]. В восточноболгарской, преславской традиции нетематические формы, как правило, заменялись тематическими типа *рекохъ*, а приращение опускалось (*запа*, *пн* и под.). В древнерусских книжных памятниках наблюдаются разные пути и количественные конфигурации в отражении типов вариативности. Наиболее часто окончание *-тъ* встречается у аористов от глаголов с основой на носовой гласный, в частности, «аорист *принатъ* был для древнерусских книжников совершенно обычной формой» [6, с. 826].

Исследование проводилось с целью изучения характера распределения диагностирующих форм аориста в трех древнерусских сборниках. В ходе работы была проведена полная выборка интересующих нас форм, проведен сравнительный анализ их функционирования в рукописях. Актуальность работы заключается, с одной стороны, в необходимости детализации бытования аориста в конкретных источниках, с другой стороны – в описании самих рукописей и введении их лингвистического материала в научный оборот. Новизна исследования связана с рассматриваемым материалом: выбранные рукописи ранее не анализировались с точки зрения специфики глагольных форм.

Рассматриваемые нами сборники относятся к особому типу книжной продукции в Древней Руси. В них содержатся произведения различных жанров и разных авторов, что делает данные рукописи подобием «минибиблиотеки». В связи с неоднородностью состава и соседством текстов, восходящих к разным протографам, языковой строй памятников также, как правило, характеризуется разнородностью и отражает сложную картину вариативности языковых единиц, в частности в системе претеритов. В ходе исследования привлекался текстовый материал трех древнерусских сборников: Троицкий сборник XII-XIII вв. (далее – Тр) [12], Изборник первой половины XIII в. (далее – Изб) [5] и Толстовский сборник второй половины XIII в. (далее – Тол) [11]. Около половины Тр занимает выборка глав из Пандектов Антиоха Черноризца, которые были скопированы (с изменением порядка следования) с древнейшей рукописи Пандектов XI в. (далее – ПА) [8]. Эти два сборника, по устоявшемуся мнению, представляют собой древнейшую в славянской письменности пару «антиграф – апограф» [7, с. 9]. Кроме того, Тр включает в себя наиболее ранние копии ряда произведений («Чудо архангела Михаила в Хонех», апокриф «Хождение богородицы по мукам») и выписки из святоотеческой литературы. В Изб содержатся выдержки из толковой псалтыри Афанасия Александрийского, выписки речений Св. Отцов, антииудейский трактат «Речи к жидовину о вочеловечении Сына Божия». В Тол входят шесть Слов Кирилла Туровского, Слово Иоанна Златоуста на Рождество, апокрифические «Сказание Афродитиана» и «Легенда об Авгаре», «Память» св. Василия Великого и огласительные Поучения Кирилла Иерусалимского, которые занимают около половины рукописи. Слова Кирилла Туровского, как и «Сказание Афродитиана», представлены самыми ранними списками.

Тр и Изб опубликованы в виде интернет-издания и представлены на портале «Манускрипт» в «Казанской электронной коллекции славяно-русских памятников письменности XII-XIV вв.» [13]. При их анализе применялись специализированные онлайн-модули и указатели. Исследование Тол выполнялось по цифровой фотокопии, предоставленной Отделом рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ).

В Тр старые формы аориста от глагола *рѣци* используется в 2,5 раза чаще, чем тематическая (26 форм против 10): *ръхъ* (8, 9 (2 раза), 115, 159, 186 (6 раз), 192 об.), *ръхъмъ* (65 об., 97, 127, 153 об., 156, 192 (2 раза)),

ръша (39 об., 44, 49, 92, 137 об., 155, 181) vs. рекоух (8, 170), рекоухомъ (190 об.), рекоша (8, 30 об. (3 раза), 36, 66 об., 167). В имеющихся параллельных чтениях с ПА формы Тр соответствуют антиграфу, за исключением передачи гласной после ш: в Тр используется только гласная а (рекоша 66 об., рѣша 137 об., 155), а в ПА гласная указывает на мягкость согласного при сохранении буквы старославянского носового гласного (реукоша 19 об., рѣшм 158, 169). При этом только тематические формы находятся в апокрифическом «Хождении Богородицы по мукам» (30-38), в других произведениях тематические формы либо отсутствуют («Чудо архангела Михаила в Хонех» (38 об. – 46 об.), Слово Иоанна Златоуста о Давиде (185 – 188 об.)), либо старые формы преобладают (апокриф «Слово Евсевия Александрийского о вшествии Иоанна Предтечи во ад» (6-11), Пандекты (64 – 157 об.), вопрошания князя Антиоха (188 об. – 193)).

В Изб употребляются исключительно нетематические формы аориста от глагола рѣши: рѣхъ (25, 77, 78, 97, 102 об., 116 об., 184 об., 185 (2 раза), 186 (2 раза), 187 об., 193 об., 194, 194 об.), рѣхомъ (141 об.), рѣша (3, 63 об., 79 об., 149 об., 157 (2 раза)), что указывает на связь текста с кирилло-мефодиевской, западно-старославянской традицией. Контексты употребления формы 1 лица в этом сборнике однотипны: девять примеров приходится на «Речи к жидовину о вочеловечении Сына Божия», и все эти примеры представляют собой конструкцию вида «аъдъ же рѣхъ <+прямая речь>»; а шесть других примеров являются цитатами, где глагол рѣхъ входит непосредственно в цитируемый текст.

В Тол разные части рукописи отражают разные стратегии. В оригинальном древнерусском произведении – проповедях Кирилла Туровского (1-49 об.) – старые формы преобладают: рѣхъ (32 об.), рѣша (10, 20 об., 28 об., 33, 36 (2 раза)) vs. рекоухъ (29 об.), рекоша (9, 40 об.). Похожая картина наблюдается в древнерусском списке южнославянского перевода огласительных Поучений Кирилла Иерусалимского (89 об. – 184 об.): рѣхъ (94 об., 104, 108 об., 143 об., 164, 184 об.), рѣхомъ (121 об., 135 об., 146 об., 159, 161), рѣша (162 об.) vs. рекоухъ (139, 143 об.), рекоша (127 об., 152). В «Памяти» преп. святителя Василия (68 об. – 88 об.) представлены всего две, но разные формы: рѣша (85) и рекоухомъ (69 об.). В древнеславянском переводе апокрифического Сказания Афродитиана (56 об. – 62) используются только тематические варианты: рекоухъ (57), рекоухомъ (61 (2 раза), 62), рекоша (58, 59, 60).

В большей части примеров, особенно в 3 лице, аорист используется для введения прямой речи. О. Ф. Жолобов указывает на то, что в Словах Кирилла Туровского это «лексико-грамматическая единица рѣша получила значение не просто введения прямой речи, а своего рода экспрессивного документального подтверждения чужой речи» [3, р. 150], что подчеркивается употреблением этой словоформы внутри прямой речи на месте энклитики: нстрѣбнмъ бо рѣша памать него (Тол, 10); Нъ испитанмъ рѣша добръ • вѣзвѣмъ н неще второе прозрѣвшаго (Тол, 28 об.). В Тр также имеются примеры вставного употребления: вѣдържанне же рѣхомъ • не ѿ брашнмъ тзую • нъ бездържною (Тр, 65 об.); в том числе обычно во вводном предложении, отсылающем к ранее уже сказанному: мѣ братне якоже прѣже рѣхомъ • нъдъ всего срѣдца поканмъ сѣ ѿтѣ зды (Тр, 127), соуете бо несть намъ якоже прѣже рѣхомъ • оставльше родителей • н братню • нмѣтн бесѣды (Тр, 153 об.), никто же бо • яко се прѣдн рекоухомъ • своемоу бѣу н кланятн сѣ н хулантн него (Тр, 190 об.).

Аорист 1 лица, используемый для оформления своей речи, нередко сохраняется в составе цитат библейского текста: например, цитата Пс. 81:6 в сборниках: ꙗ азъ рѣхъ бѣнъ будете н снѣвѣ взишнему (Изб, 102 об.), ннде писанне • азъ рѣхъ бѣнъ будете н снѣвѣ взишнему (Тол, 143 об.), также встречается в Изборнике 1073 г.: глѣаше къ жидомъ бесѣдоуѣ • не ли писановъ законъ вашемъ • яко азъ рѣхъ бѣнъ есте (7 об.), и в Изборнике 1076 г.: шев стынъ взишнн сего • негда яко снѣ къ бѣу дързаетъ • азъ бо рѣхъ бознъ есте н сынове взишнмаго вьси (225 об.). Эти вставки, за счет частоты использования и высокого статуса текста, который они представляют, в подавляющем количестве примеров сохраняют старую форму рѣхъ. Среди подобных примеров тематические формы редки: англъ блговѣсти женамъ... се рекѣ вамъ (Тол, 139); рекоухъ бо реуе • исповѣмъ на сѣ беззаконне свое гѣн (Тр, 170) с аористом реуе в качестве знака цитации. Эта же цитата в Тол: рцнъ ты по дѣду • рѣхъ исповѣмъ на сѣ беззаконна моя гѣи (Тол, 94 об.). В то же время сохранение формы рѣхъ не мешает писцам тут же использовать форму рекоухъ: ннде писанне • азъ рѣхъ бѣнъ будете н снѣвѣ взишнему / всн рекоухъ • а не роднхъ (Тол, 143 об.); не рѣхъ ли ты не сварн сѣ с нимъ • се нзина якоже прѣже рекоухъ ты (Тр, 8). Здесь тематическая форма находится в составе придаточного предложения, отсылающего к ранее сказанному. Пассажи с независимой формой 1 лица нередко встречаются в Тол и Тр, например, в поучительных текстах, когда упоминаются ранее затронутые темы: блговѣстнхъ о кръстѣ... рѣхъ соудниче него • рѣхъ спсѣние него иззикоумъ • рѣхъ нзбранне аплъ • рѣхъ ѿ званнн събора • рѣхъ ѿ лицъ дѣбъ • рѣхъ о сѣданнн неже ѿ десноуе (Тр, 186); многа же кнжнѣи свѣдѣтельства загоднню тѣсннну прѣстѣпемъ • яко же прѣже рѣхъ • аще бо всѣхъ взишнѣ зьлопѣитнѣ • ннито же дѣлъ хѣбъ беспослушства ѿстанѣ (Тол, 164); ѿнъ взи наоучнтъ всему н възпамянетъ елнко рѣхъ вамъ (Тол, 184 об.).

Форма множественного числа 1 лица, помимо введения прямой речи нескольких персонажей, от имени которых идет повествование (прндохомъ... н вѣдѣхомъ рожншою н роженаго... н рекоухомъ к матерн (Тол, 61)), используется для объединения автора с «мы» читателей при обозначении привычных значений в цепи толкований – «для того (как принято) мы называли»: не времена нн дѣнн • оукарнеть • нъ соущаи къ ннхъ ѿлѣкы • времена же н дѣнн зды • того радн рѣхомъ • ѿ вѣвающнхъ къ на злѣу (Изб, 141 об.). Некоторые примеры, вероятно, можно отнести к авторскому «мы» при установлении связи с прежде сказанным, когда аорист выступает как логический модулятор в толковании: довлѣеть ты яко блговѣтнне яко же рѣхомъ • еже видѣтн яко снѣ бѣ имать тзкма (Тол, 146 об.);

не бѣ бо простѣ ѿлкъ яко же рѣхомъ оумираанъ за ны · нъ снѣ бнн (Тол, 159); сн рѣхомъ ѿ стѣхъ мѡужь нзвѣстнвше сѧ · тако нмѣтн истинноу вѣщн · якоже рѣхомъ · въ ннѣже нзноснмо ьсть ѿ дрѣвннхъ испнсатель (Тр, 192).

Отличие от старых форм аориста от глагола рѣщн, аористы 3 лица единственного числа с наращением -тъ, относящиеся к той же книжной традиции, по частотности употребления уступают формам без добавочного окончания, которые были равно характерны как для восточно-болгарских, так и восточнославянских диалектов.

Сопоставление контекстов, имеющих параллельные чтения и в Тр, и в ПА, показало, что в Тр не подвергаются редактированию аористы с окончанием -тъ, имеющиеся в ПА: рнзѡу... ѡже прнпатъ (ПА, 8 об.) vs. рнв зѡу... ѡже прнпатъ (Тр, 65); пожрѣтъ (ПА, 77) vs. пожрѣтъ (Тр, 83 об.); взнатъ (ПА, 230) vs. взнатъ (Тр, 96 об.). Разница между памятниками обнаруживается в том, что в Тр аористе от глагола оумрѣтн с основой на *т дважды устраняется неполногласие: негоже радн хѣ оумрѣ (ПА, 110), за негоже хѣ оумрѣ (ПА, 152) vs. негоже радн хѣ оумрѣ (Тр, 133), за негоже хѣ оумрѣ (Тр, 134); но в то же время дважды же и сохраняется: ѡнъ же падъ на колѣнсу · не абне оумрѣ (ПА, 150), вдовнца... оумрѣ (ПА, 17) vs. ѡнъ же падъ на колѣнсу · не абне оумрѣ (Тр, 92 об.), вдовнца... оумрѣ (Тр, 149). Чтение н пакы мало проунтатн · н по томь унстн тетрадн н начатъ нскатн главъ книжннхъ (Тр, 76), по-видимому, испорчено, поскольку в ПА находим начатъкѧ нскатн (ПА, 65 об.). В отрывке вдовнца жн ' оумрѣ (Тр, 149) аорист жн возник из-за ошибочного восприятия текста источника: вдовнца жнѧ оумрѣ (ПА, 17). Всего в Тр аористов с наращением 17 примеров: прнпатъ (65, 159 (2 раза), 178, 185, 187 об., 202), ѡпатъ (187 об.), взнатъ / взнатъ (96 об., 129 об.), начатъ (40), распатъ (183 об.), пожрѣтъ (83 об.), оумрѣтъ (201 (2 раза)), жнтъ (40 об.), пожнтъ (188). Форм без наращеня 21: прнпн (18 об., 84, 118), ѡпн сѧ (30), нача (44 об., 156, 201), вззѧ (12 об., 16 об. (2 раза), клѧ сѧ (167 об.), оумрѣ / оумрѣ (4 об., 18 об., 133, 134, 183 об., 92 об., 149, 202), пн (148), ѡпн сѧ (148). Аорист от глаголов с корнем нѧ чаще употребляются с приращением, но в остальных случаях форма без -тъ преобладает. Относительно распределения форм в тексте можно выделить следующие моменты: в «Слове от книг святого Исихия» (14-19) употребляются только формы без приращения; в «Хождении», в котором использовались только форма рѣкоша, также нет форм с окончанием -тъ, правда, и без него всего один пример; в «Чуде в Хонех», в котором были только аористы рѣша, встречаются оба варианта – и с приращением, и без; в ПА, в которых преобладали старые формы аориста от глагола рѣщн, чаще встречаются формы без наращеня; в «Вопрошании князя Антиоха», в котором нетематические формы аориста от глагола рѣщн незначительно преобладали, формы с приращением также используются несколько чаще; в «Слове Иоанна Златоуста о Давиде царе», в котором были только формы рѣхъ, используются только формы с приращением.

В Изб, несмотря на то что употребление исключительно старых форм аориста от глагола рѣщн указывает на его тесную связь с кирилло-мефодиевской традицией, приращение -тъ имеется только у глаголов от основ на корневой носовой гласный, что является довольно распространенным явлением для древнерусских памятников. У глаголов от иных основ присутствуют только варианты без -тъ: оумрѣ (35 об., 149, 160, 156), проустрѣ (90, 101 об.), взспѣ (142 об. (2 раза)), пн (4). Формы с -тъ и без -тъ употребляются одинаково часто: прнпатъ (4 об., 74, 81 об., 82 об., 123), попатъ (155 об., 159, 160), вззатъ (21 об.), патъ (159), распатъ (73 об.), клатъ (106, 132 об.), зачатъ (85, 85 об., 157 об.), начатъ (47 об.) vs. прнпн (27, 32 об., 35, 37, 49 об., 144, 175 об., 187, 192 об.), взспрн (22), распѧ (5 об., 130, 150 об.), клѧ (127 об.), взѧ (187), зача (157), нача (28). Характер распределения форм неоднородный. В выборках из Псалтыри содержится относительно большое количество форм с окончанием -тъ (на что, естественно, влияет и то, что это произведение имеет наибольший объем – однако, отсутствие в этом объеме форм без приращения можно считать показательным); также много форм с приращением в меньшем по объему отрывке с названием «А се от Бытия» (154 об. – 168 об.). В то же время в этих произведениях содержится и нетематический аорист глагола рѣщн. Иная тенденция отразилась в отрывке «А се от Евангелия» (24 – 34 об.) и «Речах к жидовину»: в них сочетаются нетематическая форма аориста глагола рѣщн и аористные формы исключительно без -тъ. Данное явление может поддерживать предположение Й. Райнхарта о том, что перевод этого произведения «возник, по всей видимости, в XI или XII в. в Киевской Руси» [10, с. 300].

Поскольку Тол содержит несколько объемных и разнородных произведений, охарактеризуем их каждое по отдельности. О. Ф. Жолобов указал, что «особой характеристикой Слов является стопроцентная реализация аористов с окончанием -тъ» [3, р. 148]. Действительно, на листах 1 – 49 об., содержащих Слова Кирилла Туровского, встречаются только аористы с окончанием -тъ: прнпатъ (5 об. (2 раза), 6 об., 30 об.), оумрѣтъ (10 об.), сѧнатъ (10 об.), подпатъ (35 об.), начатъ (39, 39 об., 40). Эта специфика особенно ярко выделяется на фоне других произведений, включенных в Тол, в которых количество аористов с наращением в несколько раз превышает количество форм без -тъ. В частности, речь идет о «Памяти» преп. святителя Василия: прнпн (78), взѧ (70, 81 об.), нача (70 об., 78 об., 80 об., 81 (2 раза), 81 об., 83) vs. начатъ (78); и поучениях Кирилла Иерусалимского: прнпн / прнпн (97 об., 105 об., 116 об., 117 (2 раза), 125, 143 об., 153 об., 156, 164, 166; 114, 116 об., 159 об., 166, 181, 181 об.), нача (102, 116, 117, 139 об. (2 раза), 161, 175 об., 179), взѧ (138, 152 об., 162 об.), ѡвѣѧ (141), пропѧ (161, 168 об.), взспрнѧ (168 об.) vs. прнпатъ / прнпатъ (146; 161, 164), ѡпатъ (96 (2 раза)), подпатъ (171 об.), начатъ (125), вззатъ (149, 152 об.), пропатъ (106 об.), клатъ (140 об., 156), патъ (174 об.). В «Сказании Афродитиана», в котором нет старых форм аориста от рѣщн, также отсутствует и аорист с -тъ:

кѣа (59 об., 61 об.). Разные варианты использованы в апокрифе «Перенесение нерукотворного образа» (62 об. – 68 об.): прна (65 об.) vs. ѿятъ (66 об.). В «Слове Иоанна Златоуста на Рождество Христово» (49 об. – 56 об.) содержится единственный в Тол аорист с -тъ, образованный не от глагола с основой на носовой гласный: ѿць бо бсѣмене родн · н дѣа ннздрѣуенно прнйтъ (51 об.).

Таким образом, несмотря на восточнославянское происхождение, в сборниках отчетливо отразилась гетерогенность входящих в них текстов, связь с разными книжными традициями и диалектными особенностями. В частности, на это указывает распределение вариативных диагностирующих форм аориста, которое было рассмотрено в данной статье. На динамику книжной нормы оказывали влияние и речевые предпочтения переписчиков, поскольку в XII-XIII вв. аорист еще встречается в обыденной речи, как об этом можно судить по берестяным грамотам [4, с. 142]. Писцы вносили изменения в переписываемый текст, что проявилось при сопоставлении пары ПА – Тр. В Тол в оригинальных древнерусских «Словах» Кирилла Туровского ярко проявилось авторское начало: последовательно используются старославянские формы 3 лица с -тъ и отдается предпочтение форме рѣша, в то время как в остальных текстах сборника в 3 лице чаще встречается аорист без -тъ, а вариативные формы глагола рѣщн распределены почти поровну. Изб выделяется среди сборников тем, что в нем не употребляются новые формы аориста типа рѣкоуъ, что нетипично для восточнославянских памятников этого периода: «...русские памятники XI-XII вв., начиная с древнейших, отражают широкое распространение новых тематических форм» [2, р. 148].

Проведенный анализ языка сборников XII-XIII вв. подтверждает, что аорист оставался одной из ключевых форм темпоральной системы, его развитие в книжном языковом регистре продолжалось. Вариативность аористных форм характеризует подвижность древнерусской литературной нормы, в которой старославянские варианты выступали как показатель высокого статуса книжного текста.

Список источников

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку / пер. с фр. В. В. Бородич; ред. В. Н. Сидорова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 446 с.
2. Гиппиус А. А. «Рекоша дружина Игорев...»: к лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. Iss. 2. P. 147-181.
3. Жолобов О. Ф. Язык древнеславянской проповеди: неординарность глагольной морфологии в гомилиях Кирилла Туровского // Slověne. 2017. Vol. 6. № 2. P. 137-162.
4. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд-е 2-е, переработанное с учетом материала находок 1995-2003 гг. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
5. Изборник первой половины XIII в. // Российская национальная библиотека. Q. П. I. 18. 196 л.
6. Крысько В. Б. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам: в 2-х т. / подг. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко и др. М.: Азбуковник, 2011. Т. II. С. 798-837.
7. Паймина О. С. Языковые особенности Троицкого сборника XII-XIII вв.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2012. 24 с.
8. Пандекты Антioxа XI в. // Государственный исторический музей. Воскр. 30. 309 л.
9. Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 403 с.
10. Райнхарт Й. Древнерусский антииудейский трактат, его греческий оригинал и проблема его происхождения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2015. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. С. 289-333.
11. Толстовский сборник второй половины XIII в. // Российская национальная библиотека. F. П. I. 39. 184 л.
12. Троицкий сборник XII-XIII вв. // Российская государственная библиотека. Тр. 12. 202 л.
13. Электронная коллекция славяно-русских памятников письменности XII-XIV вв. [Электронный ресурс] // Манускрипт. URL: <http://mns.udsu.ru/mns/portal.main?p1=54> (дата обращения: 13.07.2018).
14. Zholobov O. The synthetic indicative in Cyril and Methodius' sources (the internet edition of the Paroemiaron Zacharianum dating from 1271) // Russian Linguistics. 2016. Vol. 40. Iss. 2. P. 153-172.

AORIST VARIATION IN THE OLD RUSSIAN COLLECTIONS OF THE XII-XIII CENTURIES

Shayakhmetova El'vira Khalitovna
Kazan (Volga Region) Federal University
sha.elvira@mail.ru

The purpose of the article is to analyze the functioning of the variant forms of the aorist that have a diagnosing character in the evaluation of the literary tradition, with which manuscript sources are associated (*рѣхъ – рекохъ, начатъ – нача* and so on). The distribution of aorist forms is studied in the most complex texts by their composition – the Old Russian collections of different structure. The author comes to the conclusion that the forms distribution depends on several factors: on the tradition, to which the protograph of the work relates, on the verbal preferences of the scribes and, in the case of the original Old Russian texts, on the author's intentions.

Key words and phrases: aorist; variation; diagnosing forms; Old Russian collections; literary norm.